Радеев Артем Евгеньевич

ДЕЛЕЗ И МНОЖЕСТВЕННОЕ

Статья раскрывает контур идеи множественности в философии Ж. Делеза. Через обращение к анализу понятий "против" и "за" автор показывает, в каком смысле Делез отстаивает идею множественности. Проводится сравнительный анализ текстов философа и выявляется то, как именно и в каких контекстах Делез обосновывает идею множественности. Приведенный анализ позволяет раскрыть одно из ключевых понятий, ставших основой для поворота к множественности в философии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. I. С. 142-146. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Hilton v. Guyot.** 159 U.S. 113 (1895) [Электронный ресурс]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/159/113/case.html (дата обращения: 19.04.2015).
5. **Pell O., Spielberger P.** U.S. Courts Turn Cold on Foreign Plaintiffs // International Financial Law Review. 2004. № 6. P. 144-168.
6. **Society of Lloyd's v. Ashenden** [Электронный ресурс]. URL: http://caselaw.findlaw.com/us-7th-circuit/1287031.html (дата обращения: 20.04.2015).
7. **Uniform Foreign-Country Money Judgments Recognition Act of 2005** [Электронный ресурс]. URL: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/foreign%20country%20money%20judgments%20recognition/ufcmjra_final_05.pdf (дата обращения: 18.04.2015).
8. **Whytock C., Robertson C.** Forum Non Conveniens and the Enforcement of Foreign Judgments // Columbia Law Review. 2011. Vol. 111. № 7. P. 1444-1521.

DOCTRINE OF RECOGNITION AND EXECUTION OF FOREIGN COURT VERDICTS IN THE USA PROCEDURAL LAW: BASIC ASPECTS AND PROBLEMS

Potorochina Natal'ya Leonidovna
National Research University "Higher School of Economics"
natalia.potorochina@gmail.com

The article examines the basic aspects of the American doctrine of the recognition and execution of foreign court verdicts, its key acts and judicial precedents. In Russian juridical science the comprehensive analysis of the doctrine has not been carried out in spite of the growing number of civil cases examined under American jurisdiction with the participation of Russian citizens. The author indicates that the doctrine of recognition was formed in judicial practice in connection with *Hilton v. Guyot* case examined in 1895 and later on was developed in unified federal acts and state laws. The researcher identifies certain problems existing in law enforcement practice.

Key words and phrases: foreign court verdicts; doctrine of recognition of foreign verdicts; international civil procedure; the USA procedural law; legal procedure in the USA with the participation of foreigners.

УДК 141.113+111.82
Философские науки

Статья раскрывает контур идеи множественности в философии Ж. Делеза. Через обращение к анализу понятий «против» и «за» автор показывает, в каком смысле Делез отстаивает идею множественности. Проводится сравнительный анализ текстов философа и выявляется то, как именно и в каких контекстах Делез обосновывает идею множественности. Приведенный анализ позволяет раскрыть одно из ключевых понятий, ставших основой для поворота к множественности в философии.

Ключевые слова и фразы: множественное; Ж. Делез; поворот; Единое и многое; ризома; шизоанализ.

Радеев Артем Евгеньевич, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
artem_radeew@mail.ru

ДЕЛЕЗ И МНОЖЕСТВЕННОЕ©

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-03-00429 «Концептуализация "Homo aestheticus" в современной эстетике».

В последнее время все чаще встречаются ссылки на различные повороты в философии (лингвистический, антропологический, визуальный повороты – самые известные из них) [7, с. 8-57] и упования на то, что может служить основой для нового поворота.

Вместе с тем, само понятие поворота можно рассматривать не только узко, понимая под ним радикальную смену парадигмы, но и широко, трактуя его с точки зрения открытия нового интеллектуального горизонта и принуждения к существованию в его пределах. Во втором случае не в меньшей степени можно говорить и о трансцендентальном повороте с подачи Канта, экзистенциальном повороте с подачи Августина или Киркегора, а если уйти еще глубже в историю философии, то с легкостью можно говорить о сократическом, платоническом, аристотелевском поворотах. При таком раскладе само понятие поворота в философии становится эвристически излишним.

Тем не менее, полагаем, что при некоторых оговорках все же можно осмелиться заявить о существовании поворота к множественности в философии. Отказ от гегемонии Единого, анализ процессов множественности в разных областях пронизывают с недавних пор целые блоки философских построений. При этом вопрос о существовании этого поворота все еще остается открытым как минимум по двум причинам.

© Радеев А. Е., 2015

Во-первых, действительно ли это многообразие концепций, свойственное, прежде всего, французской философии второй половины XX в., можно свести к заявленному повороту к множественности в философии? Во-вторых, если и был этот поворот, то не остался ли он в прошлом и не пришла ли на смену ему череда новых идей, предлагающих восстановить Единое в своих правах, но на новых основаниях?

Все эти вопросы требуют отдельного разбора, но нельзя не признать, что во многом ключевой фигурой для т.н. философии множественности на сегодня является Ж. Делез. В самых разных смыслах можно говорить о том, что он придает множественности ключевое значение: и в том, что на основе выдвигаемой им онтологии множественности строятся такие проекты как шизоанализ и философия кино, и в том, что в Бергсоне и Спинозе Ж. Делез как историк философии находит прежде всего следы концептуализации множественности, и в том, что в ряде выдвигаемых им концептов («смысл», «складка», «повторение») прослеживается своеобразная логика множественности, дистанцирующаяся от многого и единого. Свести воедино разные аспекты делезовской философии множественности еще предстоит исследователям его философской эволюции и аналитикам множественности, хотя различные попытки представить целостный образ делезовской множественности периодически предпринимаются с разной степенью успешности [9, p. 33; 10, p. 156].

В рамках предлагаемой работы хотелось бы рассмотреть лишь один вопрос в исследовании делезовской множественности: *почему и каким образом* им отстаивается идея множественности. Чтобы раскрыть это вопрос, хотелось бы предварительно рассмотреть, в каком смысле вообще можно быть за или против той или иной идеи, что такое движение-за и движение-против и в чем же состоит движение за множественность в варианте философии Ж. Делеза.

Что значит «против» и «за»?

В качестве аксиомы предположим, что полагание «за» следует за полаганием «против», что идея зачастую выдвигается против чего-то, и лишь затем она вырастает до выдвижения чего-либо за. Но что имеется в виду, когда выдвигается что-либо против?

Когда речь заходит о чем-то «против», то имеются в виду как минимум два смысла – вторичность и невозможность. Полагать что-то как вторичное – значит находить за вторичным что-то принципиальное, а потому и важное. В этом смысле быть против той или иной идеи – значит считать ее незначительной по сравнению с чем-то более принципиальным. Так, если Кант был против эмпиризма в философии, то это значит, прежде всего, что есть помимо эмпиризма что-то более принципиальное, по сравнению с чем он выглядит в глазах Канта незначительным. Точно так же если кто-то утверждает, что он против какого-то социального порядка, то это значит (прежде всего, но не только), что есть какой-то иной порядок, по сравнению с которым предложенный кажется не столь уж и важным. Кроме того, быть против чего-то – значит видеть его невозможность, т.е. противоречивость, а противоречие, как известно, может быть внутренним (противоречие чего-либо самому себе) или внешним (противоречие чего-либо тому, что представляется несомненным). Так, если утверждается, что Аристотель был против Платона, то может иметься в виду не только вторичность того, о чем говорил Платон (по сравнению с тем, что утверждал Аристотель), но и невозможность каких-либо идей Платона с позиции Аристотеля (внутреннее противоречие представлений Платона или же их внешнее противоречие тому, что полагал несомненным Аристотель). Точно так же можно говорить о том, что кто-либо против того или иного социального порядка, имея в виду либо несостоятельность этого порядка, т.е. внешнее противоречие несомненным нормам, либо нелепость этого порядка, т.е. внутреннее противоречие социальных норм самим себе.

Исходя из этого, можно определить и смысл «за»: если «против» – это вторичное и противоречивое, то «за» – это первичное и необходимое. Так, если утверждается, что Фома Аквинский был за введение различия между субстанцией и субсистенцией, то имеется в виду, что без этого различия упускается что-то первичное и важное. Или если я говорю, что я за какую-то определенную социальную норму, то имею в виду, что она представляется мне первичной или же крайне необходимой по сравнению с остальными.

Несложно заметить, что у этих двух моментов «за» и «против» могут быть производные, и одна из них – это возможность определения «за» и «против», исходя из следствий. Как правило, эта производная выражается в формуле «Мы продвинемся (или не продвинемся) дальше, если...». Так, если Ницше утверждает, что он против христианства, то имеется в виду, помимо всего прочего, еще и та его мысль, то человечество недалеко продвинется, если будет основывать цивилизацию на христианской культуре. Или если законодатель заявляет, что он за введение какого-либо закона, то имеется в виду не в последнюю очередь и то, что общество будет сильно развиваться, если в нем будет действовать этот закон.

Делез и его отстаивание идеи множественности

В какой степени легко узнать в перечисленных признаках движения-за философию множественности Ж. Делеза, в такой же степени нелегко раскрыть это движение-за. Причин этой нелегкости – несколько. *Во-первых*, философия Ж. Делеза не претерпела какого-либо существенного изменения за 40 лет своего существования: фрагменты из «Капитализма и шизофрении» воспроизводятся спустя 10 лет в «Кино», тезисы из доклада про Бергсона воспроизводятся через 40 лет в «Что такое философия?», т.е. идеи, которые развиваются в ранних работах Ж. Делеза, находят свое продолжение в поздних. Это философия без развития, предполагающая две стороны: с одной – возможность возвращаться к уже сказанному, уточнять, переосмыслять однажды изложенные ходы, с другой – находить каждый раз что-то иное в предложенных ходах, начинать их заново (неслучайно в видеозаписи «Алфавит Жиля Делеза» им приводится наблюдение, что каждый раз заново приходится писать текст). Иначе говоря, в случае с Делезом мы имеем дело с одним большим текстом, по-разному воплощаемым и каждый раз развивающим новые идеи, которые, тем не менее, легко находят свои точки пересечения с тем, что было сказано ранее. С этим связано и то, что,

во-вторых, у Делеза, этого поэта создания концептов, сами они не имеют четких границ: их строгость определяется не ясностью дефиниции, а способом проработки проблемного поля, и потому эта строгость носит скорее интенсивный (формирующийся), чем экстенсивный (сформированный) характер, а интенсивность слабее поддается раскрытию. Невозможно говорить о каком-то отдельном концепте Делезе, не затрагивая при этом иные. Эта невозможность довольно стандартна для философии (так, невозможно говорить об эмпирическом в понимании Канта, не затронув при этом, что такое рассудок), но в случае с Делезом (и ему подобными) приходится удерживать нестрогость концептуальных границ. И когда мы читаем: «Мы говорим лишь о следующем: о множественностях, линиях, стратах и сегментациях, о линиях ускользания и интенсивностях, о машинных сборках и их разных типах, о телах без органов и их конструкции, об их селекции, о плане консистенции, о единицах измерения в каждом случае» [5, с. 8], – мы должны понимать, что этот ряд – не набор синонимов, а ряд оттенков, различимый в рамках одной оптики и сливающийся в монотонность под оптикой другой.

Поэтому, *в-третьих*, Делез удачно реализовывал идею множественности не только на уровне своих концептов, но и на уровне способов их воплощения: его книги сами во многом представляют процессы множественности, «линии ускользания» (один из любимых концептов Делеза, которым он характеризовал процессы множественности). Схожее наблюдение отмечает исследователь Делеза Ж.-К. Мартен: «Философия Делёза с трудом поддаётся комментированию. Действительно, множественности, перетекающие из книги в книгу, не поддаются интерпретации генеалогическим или структурным способом. Дело в том, что их очертания бесконечно варьируются, прочерчивают спираль, каждый изгиб которой очерчивает границы на поверхности множественного измерения» [6, с. 32].

Тем не менее, возможно если не четко обозначить мысль Делеза относительно множественности, то, по крайней мере, указать направление, в котором она движется и тем самым составить абрис того, в каком смысле в философии Делеза представлено движение-за множественность.

Первый момент этого движения-за – момент первичности множественного. Этот момент очень хорошо раскрыт в «Кино», в котором, помимо всего прочего, есть объяснение того, почему же и в каком смысле множественное первично [2, с. 114]. Сам этот ход Делез прописывает как «комментарии к Бергсону», что не отменяет его самостоятельности: в «Кино» он представлен в наиболее концентрированном виде, но в близком виде он воспроизводится и в «Капитализме и шизофрении» [4, с. 71-82], и в «Логике смысла» [3, с. 44-53], и даже в самой последней его работе – «Имманентность: жизнь» [1].

Ход Делеза таков. «Изначально» дана ацентрическая вселенная образов, где каждый образ – это множество, подразумевающее взаимодействие с другими множествами. Вселенная «представляет собою множество, однако множество бесконечное: план имманентности является движением (лицевой стороной движения), происходящим между частями каждой системы и между разными системами, пересекающими все эти системы, перемешивающими их и подчиняющими их при условии, что они не будут абсолютно закрыты» [2, с. 109]. Впрочем, об «изначальности» следует говорить лишь в условном смысле: не существует того, что дано первично, существует лишь момент становления, который воспринимается как первичное; «сущность вещи никогда не проявляется при ее возникновении, но всегда – в “середине” ее существования, в процессе ее развития, после того, как окрепнут ее силы» [Там же, с. 43]. Множество первично в том смысле, что первична некая универсальная изменчивость, хотя об этой первичности и следует говорить условно: скорее, правильно сказать, что *существует вторичность*, которую задают множества и из которой производятся сущности. В любом случае, без допущения «первичности» множества, т.е. без допущения того, что множество не производится Единым, мы упускаем многое из виду, «мы не поймем ничего, не задав себе сначала множество образов» [Там же, с. 114].

Далее ход Делеза строится по принципу развития этой «первичности» множественности. Во-первых, речь идет о том, что можно проследить, как же из этой ацентрической вселенной множеств производятся качества: между множествами возникает интервал, промежуток между действием и реакцией на него, из этого интервала рождаются перцепции, действия и аффекты. Во-вторых, речь идет о том, что можно выделить три уровня бытия (если не принимать во внимание бытие как Единое): множества, движения и целое. Множества в своем «кишащем», но в то же время закрытом виде производят движение, множества – это «сингулярные точки, имманентные движению», множества – это изменчивость; движение, в свою очередь, направлено на целое, которое является открытым, т.е. тем, что всякий раз изменяется, и тем самым представляет собою другой полюс изменчивости. Поскольку множество – это изменчивость, то элементы множества (сами будучи множествами) изменяются, становятся иными самим себе, изменяя природу самих элементов – в этом и есть смысл «универсальной изменчивости». «Одна из существенных характеристик сна о множествах состоит в том, что каждый элемент непрестанно варьируется и модифицирует свою дистанцию в отношении других элементов» [5, с. 53].

Таким образом, множество первично, если под «первичностью» понимать вторичность и если под множеством понимать изменчивое, приводящее посредством движения к целому (как другой стороне изменчивости).

Второй момент движения-за – это момент необходимости множественного. Среди многообразия текстов наиболее полным в этом отношении является двухтомный «Капитализм и шизофрения». Здесь буквально каждый ход – о множественности, но чтобы не потонуть в его многообразии, предпочтительнее выделить один концепт, посредством которого можно указать на необходимый момент множественного. Таких концептов много (ризома, тело без органов, шизофрения, различие, линии ускользания, поверхность, смысл – это случайный ряд можно дополнять) и посредством любого из них можно раскрыть необходимый срез множественного. Возьмем за основу лишь первый из упомянутых – ризому.

Наиболее важным в идее ризомы с точки зрения движения-за множественность является отличие ее от «корня» и «корешка». «Корень» – это система, в которой важно наличие Единого, переходящего в двоицу: «Одно становится двумя: каждый раз, когда мы встречаем эту формулу… мы оказываемся перед самой классической, самой продуманной, самой старой и усталой мыслью… Бинарная логика – это духовная реальность дерева-корня» [Там же, с. 9]. Иными словами, «корень» – это порядок, основанный на принципе и бинарном его делении. В этом случае очевидно, что принцип – функция Единого, множественное же понимается как производное от принципа.

«Корешок» – иной тип системы, «на сей раз естественная реальность проявляется в виде выкидыша главного корня, но тем не менее, его единство существует как прошлое или грядущее, как возможное» [Там же, с. 10]. Если в первом случае единое существует как нечто актуальное, т.е. действующее как центр, вокруг которого собирается периферия, то во втором случае единое присутствует как нечто виртуальное, т.е. подразумеваемое, но не данное как актуальное, размытое в границе между центром и периферией. Но и в этом случае единое, как и производная от него двойственность, сохраняется. «Мочковатая система на деле не порывает с дуализмом… – единство не перестает перечить и противиться объекту, тогда как в субъекте торжествует новый принцип единства» [Там же]. «Корешок» – это порядок, при котором множественное существует на фоне единого. Имя корня – монизм. Имя корешка – плюрализм (которой есть виртуальная форма монизма). Наконец, «ризома» – тип системы, в которой множественное существует без привязки к единому. Эту «беспривязанность» Делез предлагает обозначить как $n - 1$, т.е. как множественное (n), из которого вычитается единое (1). Это вычитание подразумевает, что множественное существует как количественное изменение, противостоящее качественной определенности, а также что множественное, изменяясь, ускользает от своей определенности. «У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу» [Там же, с. 14]. Иными словами, множественное схватывается и существует лишь в интенсивностях, изменениях степени, но не в экстенсивности, изменениях качества. Множественному, т.е. ризоме, противостоят два единства: прямое и виртуальное. В первом случае имеется прямая отсылка к единому, во втором случае речь идет о кодировании, т.е. введении единого как подразумеваемого, предполагаемого, но не явленного: «Понятие единства появляется лишь тогда, когда в множестве власть захватывает означаемое или когда в нем производится некий процесс, соответствующий субъективации – итак, либо единство-стержень, фундирующее совокупность двуоднозначных отношений между элементами или объективными точками – либо же Одно, которое делится, следуя закону бинарной логики дифференциации в субъекте. Единство всегда действует в лоне пустого измерения, дополнительного к измерению рассматриваемой системы (сверхкодиторивание). Но как раз ризома, или множественность, не позволяет себя сверхкодировать, она никогда не располагает измерением, дополнительным к числу своих линий, то есть к множеству чисел, связанных с этими линиями» [Там же, с. 15].

Таким образом, множественному противостоит не только единое, но и многое как функция единого: ризома – это и не единое, и не многое (как виртуальное единое). Различие между ризомой и многим позволяет говорить о двух типах множества: чистом (ризоматическом) и сводящемся к единому (древовидном). На протяжении всех своих работ Делез подчеркивает это различие. В раннем тексте «Теория множественности у Бергсона» (ставшем впоследствии основой для книг о Бергсоне) Делез различает количественное и качественное множества [8]. В «Капитализме и шизофрении» он говорит о том, что ризома – это множественность, но «не многое, выводимое из Одного или к которому добавляется Одно $(n + 1)$» [5, с. 37]. В иных текстах Делез по этой же модели предлагает различать микро- и макромножество, молярность и молекулярность, то, что делится, сохраняя свою природу, и то, что делится, меняя свою природу. Предложение различать древовидное и ризоматическое множества Делез подкрепляет также тем, что было сделано в этой области до него: различие между дискретными и непрерывными множествами у Римана, различие между множествами величины и множествами дистанции у Мейнонга и Рассела, различие между числовыми и длящимися множествами у Бергсона, различие между массой и стаей у Каннети.

Для удобства представим это различие в виде таблицы:

Два типа множеств	
Дерево	Ризома
Макромножество	Микромножество
Качественное	Количественное
Отсылка к Единому	Без отсылки к Единому
Экстенсивность	Интенсивность
Молярность	Молекулярность
Делится, сохраняя свою природу	Делится, меняя свою природу

Именно в упущении различия этих двух типов множеств состоит опасность, подстерегающая рефлексию о множестве, и именно это различие обосновывает необходимость чистого множества. Но само это различие – не дуальной природы; задача – не в том, чтобы проводить это различие, а в том, чтобы само различие толковать как множественность, сочетающую в себе разные типы множеств; различие между множествами – это сборка разных множеств, «мы уже не можем говорить даже о разных машинах, а только лишь о типах множеств, взаимопроникающих и в некий момент формирующих одну и ту же машинную сборку» [Там же, с. 62].

Как уже отмечалось ранее, одной из производных движения-за является определение, исходя из следствий. Идея о том, что «мы далеко продвинемся дальше, если...», представлена в целом ряде текстов Делеза, и в первую очередь – в «Капитализме и шизофрении». Собственно, на этих двух китах и строится шизоанализ: введение идеи множественности и демонстрация ее применения к разным областям (в первую очередь – бессознательное, история и социальное движение). Даже такое состояние как любовь Делез предлагает трактовать через концепт множественности: «Что значит любить кого-то? Это значит – всегда схватывать его в массе, извлекать его из пусть даже небольшой группы, коей он причастен, будь то только семья или что-то иное; а затем искать его собственные стаи, множества, которые он таит в себе и которые, возможно, совершенно иной природы. Присоединять эти множества к своим, заставить их проникнуть в свои множества и пропитать их своими множествами. Небесные свадьбы, множества множеств» [Там же, с. 60-61]. В этом и состоит еще один момент движения-за множественность: она работает в разных областях, с помощью ее мы понимаем то, мимо чего прошли психоанализ и социальная теория. Иначе говоря, мы далеко продвинемся вперед, утверждает Делез, если поймем капитализм как машину по производству множественностей рабочей силы. Мы далеко продвинемся вперед, утверждает далее Делез, если рассмотрим бессознательное как процесс множественности. Наконец, мы далеко продвинемся вперед, если, как уверяет Делез, поймем фашизм как синоним власти Единого.

К этой же производной движения-за следует отнести и ряд призывов и восклицаний, которые сопутствуют идее множественности: от нейтральных «*множественное нужно создавать*» [Там же, с. 11] и «мы устали от дерева. Мы не должны больше верить деревьям, их корням, корешкам, мы слишком пострадали от этого» [Там же, с. 26] до более экспрессивных «Кричать “да здравствует множественность” – ещё не значит это делать, нужно практиковать множественность» [6, с. 144], или же «Создавайте ризому, а не корень, никогда не сажайте! Не сейте – втыкайте! Не будьте ни единым, ни многим – будьте множественностями!.. Не культивируйте Генерала в себе!.. Будьте Розовой Пантерой так, чтобы ваши любовные страсти стали подобны осе и орхидее, коту и бабуину» [5, с. 43-44].

Итак, каким же образом Ж. Делез отстаивает в своих работах идею множественности? Прежде всего – посредством указания на момент первичности множественного: существует не единое, а множество, вступающее в отношения с другими множествами; во-вторых – посредством указания на момент необходимости множественного: множественное отличается не только от единого, но и от многого, и упущение этого различия грозит вылиться в непонимание сути всего движения за множественность в философии. Кроме того, на эту же необходимость множественного указывает и аргумент от следствия: мы недалеко продвинемся, утверждает Делез, в понимании социальных или психических процессов, если не поймем их как процессы множественности.

Таким образом, оба момента движения-за наиболее ясно, отчетливо и ярко представлены у Делеза и потому неслучайно, что его философия во многом повлияла на становление целой традиции в философии, которую при определенной смелости можно обозначить как поворот к множественности в философии. Вместе с тем, какой бы ни была эта традиция, нельзя не отдавать себе отчет в том, что каждый раз, когда заходит речь о «множественности» или ее производных, необходимо быть внимательным к тому, что отличают от множественности, какие моменты множественности имеются в виду, каковы пределы анализа множественности. Иначе говоря, следует проявлять осторожность в обращении с этим понятием как у Делеза, так и у тех, кто находился в движении-за и движении-против множественности. Только на основе подобной осторожности и может быть движение.

Список литературы

1. **Делез Ж.** Имманентность: жизнь… [Электронный ресурс]. URL: http://dironweb.com/klinamen/fila15.html (дата обращения: 30.03.2015).
2. **Делез Ж.** Кино. М.: Ад Маргинем, 2004. 624 с.
3. **Делез Ж.** Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
4. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
5. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2010. 895 с.
6. **Дьяков А. В.** Жиль Делез. Философия различия. СПб.: Алетейя, 2012. 504 с.
7. **Савчук В. В.** Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 350 с.
8. **Deleuze G.** Theory of Multiplicities in Bergson [Электронный ресурс]. URL: http://deleuzelectures.blogspot.ru/2007/02/theory-of-multiplicities-in-bergson.html (дата обращения: 30.03.2015).
9. **Marks J.** Gilles Deleuze. Vitalism and Multiplicity. London: Pluto Press, 1998. 216 p.
10. **Smith D. W.** Deleuze and the Production of the New // Deleuze, Guattari and the Production of the New / edited by S. O'Sullivan and S. Zepke. London: Continuum International Publishing Group, 2008. P. 151-161.

DELEUZE AND MULTIPLICITY

Radeev Artem Evgen'evich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
artem_radeew@mail.ru

The article reveals the outline of the idea of multiplicity in G. Deleuze’s philosophy. The author shows in what way Deleuze stands up for the idea of multiplicity by means of the analysis of the notions “against” and “for”. The comparative analysis of the philosopher’s texts is conducted and it is revealed how exactly and in what contexts Deleuze substantiates the idea of multiplicity. The presented analysis allows revealing one of the key notions that became a basis for the turn to multiplicity in philosophy.

Key words and phrases: multiplicity; G. Deleuze; turn; Single and many things; rhizome; schizo-analysis.